

	Списание ЕПОХИ Издание на Историческия факултет на ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“ Journal EPOCHI [EPOCHS] Edition of the Department of History of “St. Cyril and St. Methodius” University of Veliko Tarnovo		Том / Volume XXVI (2018), Книжка / Issue 1

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ОБЩЕСТВА VI–VIII ВВ.

КУЗЕМБАЕВ, Н. Е.

SOCIAL STRUCTURE OF THE OLD TURKIC SOCIETY

KUZEMBAEV, N. E.

Abstract: The article is devoted to the social organization of old Turkic society. It analyzes the information of the written sources – ancient Turkic runic inscriptions and Chinese written sources, as well as the data involved in archeology and ethnography of the nomads. Old Turkic society was divided into three strata: a) khagan, his family and beg; b) simple nomads; c) slaves and slave. The social structure of ancient Turks was due and adapted to the conditions of warfare with neighboring peoples and states.

Key words: old Turkic society, nomads, khagan, “budun”, “beg”, “qul” .

Социальная структура древнетюркского общества сложная научная проблема имеющая непосредственное отношение к проблеме социальной организации кочевых обществ последующих средневековых тюркских государств. При рассмотрении этой проблемы прежде всего необходимо разобраться с ключевым понятием «будун».

Слова «будун» и «беги» употребляются в памятниках в честь Кюль-Тегина и Бильге-кагана в паре [Айдаров, Г. 1971, с. 290; Айдаров, Г. 1965, с. 76]. В Древнетюркском словаре слово «будун» переводится, как: «1. население, подданные, народ; 2. народные массы, простой народ; 3. народ (как этническая общность); 4. люди» [ДТС, с. 108].

В. В. Радлов переводит слово «будун» как «sein Volk und seine Leute» [Бернштам, А. Н. 1946, с. 53]. Л. Н. Гумилев склонен считать его близким по смыслу древнегреческому «демос» [Гумилев, Л. Н. 1993, с. 60]. С. П. Толстов трактует его как «populus» [Толстов, С. П. 1938, с. 42]. Д. И. Тихонов отождествляет его с общиной в Уйгурском государстве X–XIV вв. [Тихонов, Д. И. 1960, с. 252]. А. Н. Бернштам пришел к выводу, что этот термин прошел свои стадии развития от конкретного обозначения своего племени до общего названия всякой общественной группы [Бернштам, А. Н. 1946, с. 103].

Имеющиеся данные позволяют связать слово «будун» с обозначением социальной общности людей в обществе. Парное употребление слов «будун» и «беги», причем «беги» стоит всегда первым, наводит на мысль о том, что народ (этническая общность) это единство «бегов» и «будун». Отдельно слово «будун» означает свободных кочевников в обществе. Такого понимания этого термина мы и будем придерживаться.

Социальная структура древнетюркского общества имеет много общих моментов с другими кочевыми обществами степей Евразии.

Социальная структура имеет следующие критерии:

1. Доступ к источникам власти;
2. Имущественное неравенство;
3. Происхождение.

Исходя из вышеуказанных критериев, можно представить социальную структуру общества:

1. а. Власть придержащие;
1. б. Свободные;

1. в. Зависимые;
2. а. Богатые;
2. б. Средние;
2. в. Бедные;
3. а. Роды Ашина и Ашидэ;
3. б. Знатные роды бегов;
3. в. Простолюдины.

Нельзя говорить о совпадении категорий в обществе, принимая во внимание ее разность критериев их выделяющих. Необходимо также заметить, что внутри выделяемых категорий существуют дальнейшие подразделения. Древнетюркское общество уже знало сложную стратификацию, в ее основе, по-видимому, лежали власть и происхождение. Здесь можно было выделить еще один критерий социальной структуры – доступ к распределению экономических ресурсов общества.

Полагаем, что продуктивнее продолжать рассмотрение по первому критерию – доступ к источникам власти. Опыт исследователей в области социальной структуры кочевников подсказывает, что она бывает разной у многих кочевников, но как мы уже отмечали, имеет в своей основе много общего [Хазанов, А. М. 1976 б, с. 200].

Социальная структура древних тюрков представляется нам в следующем виде:

1. Каган и его родственники – высшая аристократия;
2. Беги – племенная и служилая знать;
3. Эры – простые свободные кочевники;
4. Таты – зависимые люди;
5. Кулы – рабы (невольники).

Следует признать, что вышеуказанная структура не учитывает некоторых нюансов. Так, нам не известно, можно ли включать в состав бегов всю служилую знать, т.к. не все они этнические тюркюты. Аналогичная ситуация с аристократией данников, которую подмечает А. М. Хазанов в Скифском царстве [Хазанов, А. М. 1976 б, с. 190 – 191]. Также, мы не знаем, как следует классифицировать китайских ремесленников и земледельцев, т.е. к какой категории населения их отнести. Вероятнее всего это было зависимое население.

Высшая аристократия общества занимала ведущее положение в иерархии титулов и пользовалась многими привилегиями, недоступными другим членам общества. Погребальные памятники – храмы и могилы аристократии – резко контрастируют с погребениями простых кочевников, отличаясь богатством, атрибутикой власти и сохранившимися памятниками письменности, дошедших до современности [Археология СССР. Степи Евразии..., с. 35; Войтов, В. Е. 1986, с. 118–136; Кляшторный, С. Г. 1985, с. 145; Кубарев, В. Д. 1984, с. 61; Кызласов, Л. Р. 1969, с. 30, 33, 35, 37 и другие; Шер, Я. А. 1966, с. 34–36].

Существующая проблема определения территориальных границ каганатов древних тюрков может быть положительно разрешена путем анализа погребальных сооружений, т.к. приводимые данные границ каганатов явно выдуманы и гипотетичны. Об археологических реконструкциях социальной структуры мы выскажемся далее.

Беги составляли родо-племенную и большую часть служилой знати. Перевод слова «бег» означает: «1. правитель, вождь, бек, господин; 2. муж, супруг» [ДТС. 1969, с. 91]. В надписях оно употребляется в первом значении. Другие переводы слова «бег» в современных тюркских языках вполне определенно указывают на знатность и почет лиц, причислявших себя к бегам [Кыргызско-русский словарь..., с. 34; Махмудов, Г., Мусабаев, Г. 1989, с. 78].

По мнению видного тюрколога С. Г. Кляшторного, высшим сословием древнетюркской общины были беги, аристократия по крови, по праву происхождения из рода, особый статус которого в управлении делами племени считается неоспоримым, освещенным традицией [Кляшторный, С. Г., Султанов, Т. И. 1992, с. 142].

Надо заметить, что общество древних тюрков знало разделение на белую и черную кость о чем говорят наследственность должностей в среде аристократии и запрещение «благородным» девушкам выходить замужем за юношей из народа [Гумилев, Л. Н. 1993, с. 76–77].

Беги имели самое широкое распространение у многих кочевых народов и государств кочевников [Агаджанов, С. Г. 1991, с. 23]. Например, в Золотой Орде [Фёдоров-Давыдов, Г. Ф. 1973, с. 91].

Интересно, что И. Н. Березин выделяет следующие категории беков в Золотой Орде: «1. владетельные (улусные, удельные); 2. титулованные, ордынские; 3. военные – темники и т.д., и 4. городские» [Фёдоров-Давыдов, Г. Ф. 1973, с. 91]. По мнению Г. А. Федорова-Давыдова городские и ордынские чиновники – это, очевидно, единая прослойка монгольской аристократии, связанная с государственным управлением. Военные и удельные беки – это также единая прослойка держателей кочевых владений [Фёдоров-Давыдов, Г. Ф. 1973, с. 91].

Можно принять выделяемые категории беков И. Н. Березина к бегам древних тюрков, с учетом следующих замечаний: а) у тюркютов, по-видимому, не было городских бегов; б) выделять отдельно «ордынских» и военных бегов не верно, т.к. титулованные лица занимали определенное место в воинской иерархии и в соответствии с ней начальствовали над вверенными им воинскими контингентами (кряльями, тысячами и сотнями). Таким образом, беги тюркютов подразделялись на: 1. военно-административных; 2. удельных и родоплеменных. При этом не исключается вероятность того, что последние руководили военными единицами и выполняли ряд административных функций на вверенных им территориях.

Самый многочисленный социальным слоем в обществе, впрочем, как и во многих обществах вообще, были свободные простые кочевники, именуемые в источниках «будун» и «эр». Первый термин мы уже разбирали ранее, перейдем ко второму.

Слово «эр», эквивалентное «ер», имеет следующие переводы: «1. мужчина; 2. герой; 3. муж; 4. возмужалый, выросший человек» [Радлов, В. В. 1893, с. 753]. В ДТС дается следующий перевод: «1. муж, мужчина; 2. муж, супруг; 3. мужской» [ДТС, с. 175]. Г. Айдаров, С. Г. Кляшторный, С. Е. Малов, Э. В. Севортян склоняются переводить слово «эр» как «муж, мужчина, герой, богатырь» [Айдаров, Г. 1965, с. 75].

Вполне можно согласиться с мнением С. Г. Кляшторного выделявшего, что «мужем-воином» становился по праву рождения любой юноша, достигший определенного возраста и получивший эраты – «мужское (геройское, воинское имя)», будь он одним из сотни рядовых воинов или принцем крови. Получение «мужского имени» было связано с обрядом инициации (посвящения), которому предшествовало совершение юношей охотничьего или воинского подвига [Кляшторный, С. Г., Султанов, Т. И. 1992, с. 143].

Принимая во внимание смысловые обозначения термина «эр», таких как «воин», «мужчина» и «богатырь», признаем, что средний слой общества можно лишь условно обозначить термином «эр», ввиду его удобства и общеупотребительности. На самом деле все взрослые, мужчины общества могли называть себя эрами.

Отметим, что у огузов и туркмен эрами именовали простых лично независимых кочевников. С. Г. Агаджанов считает, что свободные общинники, являвшиеся одновременно воинами, не были однородны по своему имущественному и социальному положению. Зажиточные эры имели домашних слуг и рабов, участвовали в набегах и войнах. Обедневшие же и малоимущие общинники, которых было немало, лишь формально считались полноправными членами общины. Беднейшие общинники по своему положению приближались к рабам [Агаджанов, С. Г. 1991, с. 23, 24].

Да, древнетюркское общество уже знало разделение на основе богатства и в среде простых свободных номадов, по-видимому, как и в любом кочевом обществе, имело свои разделения по степени зажиточности. В рунической надписи говорится, что Бильге-каган: «...снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ» [Малов, С. Е. 1951; Малов, С. Е. 1959, с. 88]. Документы золотоордынского времени, в частности свидетельствуют, что номады, которые в мирное время едва ли не голодали, во время походов захватывали столько животных, что не были в состоянии пригнать всю добычу домой, в родные кочевья [Крадин, Н. Н. 2002, с. 165].

Безусловно, военная добыча была важным источником экономических поступлений, но приходится сомневаться в регулярности этих поступлений [Стеблева, И. В. 1965, с. 57].

Мы несколько затрудняемся четко определить социальную природу татов, как зависимой категории населения. Еще В. В. Бартольд выделял наличие названия «тат» у мусульман-иранцев и уйгур в Караханидском государстве, на Кавказе, у евреев и «в Средней Азии слово «тат» встречается в языке туркмен, которые называют так людей оседлой культуры, в том числе хивинцев. Такое же значение слово «тат», очевидно, имело в XI в.; иначе трудно было бы объяснить существование одного

и того же названия для иранцев и для культурных турок-уйгуров» [Бартольд, В. В. 1993, с. 70]. С. Г. Кляшторный, отмечая экономическую роль татов в Западнотюркском каганате, замечает, что тюркские каганы называли своих согдийских подданных «татами», т.е. зависимыми данниками [Кляшторный, С. Г., Сулганов, Т. И. 1992, с. 98].

У Абулгазы имеется следующая выдержка о татах, когда он описывает юрты или огузов: «В те времена в Иране, Хорасане и Мавераннахре государи, сипахи и райяты – все были «таты»; кроме татов, никого не было» [Кононов, А. Н. 1958, с. 56]. Это сообщение позволяет говорить о татах, как о данниках с оседло-земледельческой культурой.

Если «татами» именовали оседлых земледельцев оазисов Средней Азии, Афганистана и Ирана, то, как можно охарактеризовать китайцев земледельцев и ремесленников, живших на землях тюркских каганатов. Об их наличии имеется косвенное свидетельство из китайского источника, докладной записки китайского полководца Ланчжун Хоуин императору Юаньди от 33 г. до н.э., гласившей: «Рабы и рабыни пограничных жителей без исключения помышляют о бегстве. Они вообще говорят, что у хуннов весело жить, и не смотря на бдительность караулов иногда перебегают за границу... Разбойники, воры и другие преступники в крайних обстоятельствах скрываются бегством на север за границу и там невозможно поймать их» [Бернштам, А. Н. 1946, с. 77].

Имеющиеся другие свидетельства в пользу угона в плен китайцев на положении рабов заставляли фиксировать рабовладельческие отношения в кочевом обществе [Крадин, Н. Н. 2002, с. 168].

Н. Н. Крадин, анализируя историко-археологические материалы о военнопленных китайцах у хуннов, склоняется к тому, что вероятно, более правы те исследователи, которые считают, что подавляющее число военнопленных занималось земледелием и ремеслом в специально созданных для этого поселениях. Однако по социально-экономическому и юридическому положению большинство из этих лиц являлись не рабами. Их статус был близок к статусу данников [Крадин, Н. Н. 2002, с. 170].

Наличие пленных у тюркютов несомненно, остается выяснить, какова была их дальнейшая судьба и какое место им отводилось в обществе. Наиболее вероятными представляются два варианта: 1. работорговля, т.е. перепродажа пленных через рынки рабов, что дополнительно увеличивало отдачу от военной добычи; 2. использование пленных в качестве рабочей силы в обществе.

Возможно сосуществование обеих вариантов, как не противоречащих друг другу. Известно, например, что хунну сажали пленных китайцев в специальные поселки, где они занимались земледелием, рыболовством и ремеслом [Гумилев, Л. Н. 1993, с. 154–155; Крадин, Н. Н. 2002, с. 79–94, 169, 171]. А. М. Хазанов отмечает это у тюркютов [Хазанов, А. М. 1976 б, с. 139].

Перейдем к рассмотрению рабов, как зависимой социальной категории в обществе. Эта проблема уже неоднократно подвергалась исследованиям и служила камнем преткновения не одного поколения историков [Першиц, А. И. 1979, с. 59–65; Хазанов, А. М. 1976 а, с. 249–279].

Тюрколог С. Г. Кляшторный, указывая на подчиненный статус кулов и кунов, их иноэтничности чуждости к общине древних тюрков, приходит к выводу, что хотя личное рабство в тюркских государствах Центральной Азии в основном не выходило за пределы домашнего, вся жизнедеятельность древнетюркской общины и в какой-то мере и ее боевая сила были связаны эксплуатацией невольников и, в еще большей степени, невольниц. Захват полона был одной из главных целей тех войн, которые вели тюрки [Кляшторный, С. Г. 1985, с. 167].

На домашний характер рабства у кочевников указывают большинство исследователей, ссылаясь на специфику скотоводческого хозяйства, где труд рабов малоэффективен и экономически нерационален [Кляшторный, С. Г. 1985, с. 165; Крадин, Н. Н. 2002, с. 167–168; Хазанов, А. М. 1976 а, с. 269]. У казахов в первой половине XIX века рабство имело патриархальный характер. Труд рабов применялся на второстепенных участках хозяйства. Рабы, через некоторое время, войдя в доверие к хозяину, обзаводились семьей, пользовались правами иметь свой скот [Зиманов, С. З. 1958, с. 267].

По свидетельству из рунической надписи можно говорить, что рабы тюрков сами могли иметь рабов, вспомним в связи с этим известную сентенцию «Вассал моего вассала, не мой вассал»: «В то время (наши) рабы стали рабовладельцами, а (наши) рабыни – рабовладелицами...» [Малов, С. Е. 1951; Малов, С. Е. 1959, с. 87]. В связи с рассмотрением вопроса о рабах в древнетюркском обществе, прежде всего, важны два момента: 1. роль рабства у тюрков-туго; 2. статус и положение рабов в обществе.

На первый пункт мы ответим далее, но предварительно отметим, что древнетюркское общество нельзя назвать рабовладельческим. Второй пункт, статус и положение рабов, заслуживает пристального

внимания. В китайском источнике содержится интересный эпизод, проливающий свет на поставленную проблему: «Кин-цзе еще предложил ему называться вассалом. Шаболио (тюркский каган – Н.К.) спросил у своих сановников, что такое значит слово: вассал? В ответ ему сказали, вассал в царстве Суй значит то же, что у нас слово раб. Шаболио сказал: что я имею счастье сделаться рабом Сына Неба из дома Суй, сим тебе министр я обязан. И так он подарил Лу Кин-цзе 1000 лошадей и еще выдал за него свою двоюродную сестру» [Бичурин, Н. Я. 1998, с. 242]. Из этого свидетельства можно сделать вывод, что положение рабов у тюркютов не было тягостным и статус раба означал только подчиненное положение, ограничение прав и свобод, которыми обладали свободные члены общества.

В этой связи уместно привести высказывание Л. Н. Гумилева заметившего, что: «основное содержание понятия «*qul*» – это подчинение чужому. ... Использование кулов в VI–VIII вв. было совсем иным: тюркюты приводили их на свои земли, селили в определенных местах и взимали с них налоги. Кроме того, женщин использовали в качестве домашней прислуги и наложниц. Можно сказать, что кулы походили на римских колонов, но понятие «раб» в нашем смысле к ним совсем неприменимо» [Гумилев, Л. Н. 1993, с. 55].

Кулами называли не только отдельных, людей захваченных в плен, но и целые покоренные племена. Подчинение всегда сопровождалось установлением даннических отношений. Кроме того, из покоренных племен, равно как при захвате пленных во время военных действий, формировалась категория рабов. Однако термин «раб» (кул) у ранних тюрков нельзя принимать в общепринятом, «классическом» виде. Племена-рабы – это племена-вассалы, обязанные выплачивать дань племени-сюзерену в виде шкур, пушнины и т.д. [История Казахской ССР, I, с. 331].

Кулство воспринималось, как признание собственного подчиненного положения и несвободы, и признание более сильного над собой господином. Унизительность подобного положения для кочевника очевидна.

Почему кул не бежал от хозяев, что удерживало его, сила принуждения или что-либо еще? На этот вопрос отвечает рассказ Ибн-ал-Факиха об обычаях тюрков IX – начала X вв.: «Время от времени какая-либо группа (тюрков) покидает свое племя и переходит в другое племя. А вместе с ним в другое племя переходят и те женщины, которые раньше вышли из этого племени (и стали рабынями), а также дети тех женщин, которые были сделаны рабами. И племя, принявшее пришельцев, не наказывает их за своих сородичей, обращенных в рабство, а считает их такими же рабами, как и своих рабов, согласно их обычаю и тому, о чем у них есть согласие» [История Казахской ССР, I, с. 147].

Здесь необходимо добавить, что в рабство уводили женщин и девушек, иногда мальчиков и юношей, но никогда взрослых мужчин [История Казахской ССР, I, с. 147]. По-видимому, взаимная договоренность и обычное право защищали право хозяев на владение кулами. Взрослые мужчины могли объединиться и впоследствии оказать вооруженное сопротивление.

Привлекает внимание выражение из древнетюркских рунических памятников «приобретенные сыновья», которое вполне вероятно соответствует мужскому потомству от рабынь-наложниц.

В древнетюркском обществе молодые рабы делались прислужниками хана и составляли его отборную армию, «лейб-гвардию», нося тюркский титул «гул», «оглан» [Бернштам, А. Н. 1946, с. 125]. Вспомним, что у казахских ханов были толенгуты, своеобразная дружина или гвардия.

«Замечательная идея производства солдат и администраторов из рабов – идея, естественная для кочевнического гения и столь далекая от нас... Именно эти империи смогли просуществовать дольше других» [Тойнби, А. Д. 1991, с. 189]. Это высказывание А. Тойнби об Османской империи справедливо и в отношении Тюркских каганатов.

При рассмотрении социальной структуры, кроме письменных источников, важное значение имеют археологические. Первостепенное значение для выяснения социального состава имеют погребения. В погребальной обрядности наиболее ярко проявляется процесс социального расслоения и имущественной дифференциации между отдельными общественными группами [Моруженко, А. А. 1989, с. 28; Овчинникова, Б. Б. 1990, с. 9].

Так, археологические раскопки древнетюркских памятников свидетельствуют, что по сравнению с величественными сооружениями высшей знати, казались невзрачными курганы простых воинов. Но в могилах же рядовых общинников не было ни дорогого оружия, ни коня [Кляшторный, С. Г., Султанов, Т. И. 1992, с. 145].

В. Е. Войтов, продолжая исследование Б. Я. Владимирцова, выделяет четыре типа памятников по определенным хронологическим, этническим или палео-социологическим признакам [Войтов, В. Е. 1986, с. 120]. Отметим, что некоторые из них имеют рунические надписи, облегчающие социологическую интерпретацию памятников. Вышеуказанная типология дает основания предполагать внутреннее деление в среде тюркской знати, что подтверждают письменные источники.

Для социологической реконструкции существенное значение имеет погребальный инвентарь, особенно одежда, наборные пояса и предметы вооружения [Кубарев, В. Д. 1984, с. 36, 39; Овчинникова, Б. Б. 1990, с. 19, 43, 66, 83].

Необходимо помнить о том, что для снятия спорных вопросов при социальных реконструкциях необходимо комплексное статистическое, палео-социологическое, палео-демографическое изучение выборки, обладающей достаточной репрезентативностью. Особенности социальной структуры можно выявить на материале отдельных хорошо раскопанных памятников. Но для этого надо определить точно продолжительность их существования и количество населения, жившего во времени функционирования памятников [Тихонов, С. С. 1989, с. 35].

Вполне возможно, что выводы археологии о социальной структуре хуннов можно проецировать на древних тюрок – исследование погребальных комплексов хуннской археологической культуры показывает более глубокий уровень социальной дифференциации, наличие меж- и внутриэтнического (вероятно опосредованной генеалогией) неравенства, существование большого числа промежуточных статусов и социальных прослоек [Крадин, Н. Н. 2002, с. 179].

Итак, исходя из вышеуказанных моментов, мы можем говорить о социальной дифференциации исследуемого общества, разделение проводилось по генеалогическому и имущественному признакам. Большое место имело социальное положение в военно-административной иерархии.

Таким образом, социальная структура тюркютов в общественном сознании, исходя из анализа рунических надписей, представлялась разделенной на две неравные части – «бегов» (тюркская знать) и «будун» (простой тюркский народ).

Мы выделяем три основных социальных слоя:

- Высший – каган и его окружение, беги;
- Средний – условно обозначим его словом «эр», простые кочевники;
- Низший – кулы и куны, невольники и невольницы – несвободные или зависимые члены общества.

Татов мы к ним не причисляем, т.к. земледельцы-данники имели свою собственную социальную структуру, мы полагаем, что таты не социальный, а больше политический термин, обозначающий людей, ведущих кочевой образ жизни, вынужденных выплачивать дань кочевникам.

Каган и беги, занимая высшие должности в каганате, обладали огромными богатствами. Различное положение, занимаемое в военно-административной иерархии, определяло доступ к экономическим ресурсам общества.

Страта, условно обозначаемая нами как «эры», т.е. свободные члены социума – простые кочевники, составляли, по-видимому, большинство в обществе. Обладая известными в условиях кочевого быта богатствами, они выполняли основные функции в обществе. Нельзя сказать, что в условиях господства родоплеменных отношений простые кочевники не могли активно участвовать в общественной жизни общества, а воинская отвага, проявляемая на полях сражений, служила лучшей рекомендацией на повышение социального положения в обход генеалогических связей со знатными родами.

Рабы (невольники), подчиненные чужому, не подвергались беспощадной эксплуатации и не были «классическими» рабами. Кулство означало признание власти над собой и подчинения, иначе, почему кулами именовали отдельных лиц и целые племена.

Данные археологии о социальной структуре общества подтверждают информацию источников письменных относительно имущественной дифференциации и сложной стратификации общества. Выделяя в своей основе три социальных страты по материалам погребений, исследователи делают еще разделения в среде высшей страты. Полагаем, что дальнейшие исследования в этой области приведут к выделению групп в вышеуказанных стратах.

Древнетюркское общество, как показывают исследования, является уже сложностратифицированным, при этом отмечается имущественная дифференциация. Общество древних тюрок, его социальная структура были обусловлены и адаптированы к условиям ведения войны, когда общество представлялось войском, и мира, когда общество представлялось «аппаратом» для контроля и управления

покоренными племенами и народами. Нельзя сказать, что древнетюркское общество было закрытым и самодостаточным, где была невозможной социальная мобильность членов общества, культуры соседних стран и народов, также, по-видимому, оказывали влияние на социальную культуру древних тюрков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Агаджанов, С. Г.** 1991 – С. Г. Агаджанов. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. Москва, 1991. [S. G. Agadzhanov. Gosudarstvo Sel'dzhukidov i Srednyaya Aziya v XI–XII vv. Moskva, 1991.]
- Айдаров, Г.** 1965 – Г. Айдаров. Язык орхонского памятника Бильге-кагана. Алма-Ата, 1965. [G. Aydarov. Yazyk orkhonskogo pamyatnika Bil'ge-kagana. Alma-Ata, 1965.]
- Айдаров, Г.** 1971 – Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971. [G. Aydarov. Yazyk orkhonskikh pamyatnikov drevnetyurkskoy pis'mennosti VIII veka. Alma-Ata, 1971.]
- Археология СССР. Степи Евразии...** – Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва, 1981. [Arkheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya. Moskva, 1981.]
- Бартольд, В. В.** 1993 – В. В. Бартольд. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов в Средней Азии. Алматы, 1993. [V. V. Bartol'd. Tyurki: Dvenadtsat' lektsiy po istorii turetskikh narodov v Sredney Azii. Almaty, 1993.]
- Бернштам, А. Н.** 1946 – А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII веков. Москва–Ленинград, 1946. [A. N. Bernshtam. Sotsial'no-ekonomicheskiy stroy orkhono-yeniseyskikh tyurok VI–VIII vekov. Moskva–Leningrad, 1946.]
- Бичурин, Н. Я.** 1998 – Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том I. Алматы, 1998. [N. Ya. Bichurin. Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevniye vremena. Tom I. Almaty, 1998.]
- Войтов, В. Е.** 1986 – В. Е. Войтов. Археологические исследования Б. Я. Владимирцова и новые открытия в Монголии. – В: Mongolika: Памяти акад. Б. Я. Владимирцова 1884–1931 гг. Москва, 1986, 118–136. [V. E. Voytov. Arkheologicheskiye issledovaniya B. Ya. Vladimirtsova i novyye otkrytiya v Mongolii. – V: Mongolika: Pamyati akad. B. Ya. Vladimirtsova 1884–1931 gg. Moskva, 1986, 118–136.]
- Гумилев, Л. Н.** 1993 – Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. Москва, 1993. [L. N. Gumilev. Drevniye tyurki. Moskva, 1993.]
- ДТС – Древнетюркский словарь.** Ленинград, 1969. [Drevnetyurkskiy slovar'. Leningrad, 1969.]
- Зиманов, С. З.** 1958 – С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958. [S. Z. Zimanov. Obshchestvennyy stroy kazakhov pervoy poloviny XIX veka. Alma-Ata, 1958.]
- История Казахской ССР, I** – История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том I. Алма-Ата, 1977. [Istoriya Kazakhskoy SSR (s drevneyshikh vremen do nashikh dnei). V pyati tomakh. Tom I. Alma-Ata, 1977.]
- Кляшторный, С. Г.** 1985 – С. Г. Кляшторный. Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии). – В: Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985, 159–168. [S. G. Klyashtornyy. Raby i rabyni v drevnetyurkskoy obshchine (po pamyatnikam runicheskoy pis'mennosti Mongolii). – V: Drevniye kul'tury Mongolii. Novosibirsk, 1985, 159–168.]
- Кляшторный, С. Г., Султанов, Т. И.** 1992 – С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. Казахстан летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. [S. G. Klyashtornyy, T. I. Sultanov. Kazakhstan letopis' trekh tysyacheletiy. Alma-Ata, 1992.]
- Кононов, А. Н.** 1958 – А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. Москва–Ленинград, 1958. [A. N. Kononov. Rodoslovnaya turkmen. Sochineniye Abu-l-Gazi khana khivinskogo. Moskva–Leningrad, 1958.]
- Крадин, Н. Н.** 2002 – Н. Н. Крадин. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва, 2002. [N. N. Kradin. Imperiya Khunnu. Izd. 2-ye, pererab. i dop. Moskva, 2002.]
- Кыргызско-русский словарь...** – Краткий кыргызско-русский словарь: Более 4000 слов. Бишкек, 1993. [Kratkiy kyrgyzsko-russkiy slovar': Boleye 4000 slov. Bishkek, 1993.]
- Кубарев, В. Д.** 1984 – В. Д. Кубарев. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. [V. D. Kubarev. Drevnetyurkskiye izvayaniya Altaia. Novosibirsk, 1984.]
- Кызласов, Л. Р.** 1969 – Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. Москва, 1969. [L. R. Kyzlasov. Istoriya Tuvy v sredniye veka. Moskva, 1969.]
- Малов, С. Е.** 1951 – С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Москва–Ленинград, 1951. [S. E. Malov. Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti. Moskva–Leningrad, 1951.]

Малов, С. Е. 1959 – С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. Москва-Ленинград, 1959. – В: Орхонские надписи. Кюль-тегин. Бильге-каган. Тоньюкук. Семей, 2001, 65–123. [S. E. Malov. Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti Mongolii i Kirgizii. Moskva-Leningrad, 1959. – V: Orkhonskiye nadpisi. Kyul'tegin. Bil'ge-kagan. Ton'yukuk. Semey, 2001, 65–123.]

Махмудов, Г., Мусабаев, Г. 1989 – Г. Махмудов, Г. Мусабаев. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1989. [G. Makhmudov, G. Musabayev. Kazakhsko-russkiy slovar'. Alma-Ata, 1989.]

Моруженко, А. А. 1989 – А. А. Моруженко. Социальная структура лесостепного населения междуречья Днепра и Дона в скифское время. – В: Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тезисы всесоюзной археологической конференции. Часть I. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1989, 27–31. [A. A. Moruzhenko. Sotsial'naya struktura lesostepnogo naseleniya mezhdurech'ya Dnepra i Dona v skifskoye vremya. – V: Problemy arkheologii skifo-sibirskogo mira (sotsial'naya struktura i obshchestvennyye otnosheniya). Tezisy vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii. Chast' I. Kemerovo: Kemerovskiy gos. un-t, 1989, 27–31.]

Овчинникова, Б. Б. 1990 – Б. Б. Овчинникова. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. [B. B. Ovchinnikova. Tyurkskiye drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekakh. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1990.]

Першиц, А. И. 1979 – А. И. Першиц. Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии. – В: Проблемы типологии в этнографии. Отв. ред. Ю. В. Бромлей, Москва, 1979, 59–65. [A. I. Pershits. Nachal'nyye formy ekspluatatsii i problema ikh geneticheskoy tipologii. – V: Problemy tipologii v etnografii. Otв. red. Yu. V. Bromley, Moskva, 1979, 59–65.]

Радлов, В. В. 1893 – В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Том первый. Гласные. Санкт-Петербург, 1893. [V. V. Radlov. Opyt slovary tyurkskikh narechiy. Tom pervyy. Glasnyye. Sankt-Peterburg, 1893.]

Стеблева, И. В. 1965 – И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI–VIII веков. Москва, 1965. [I. V. Stebleva. Poeziya tyurkov VI–VIII vekov. Moskva, 1965.]

Тихонов, Д. И. 1960 – Д. И. Тихонов. Термины «эль» и «будун» в древних уйгурских документах. – В: Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели. Москва-Ленинград, 1960, 250–255. [D. I. Tikhonov. Terminy «el'» i «budun» v drevnikh uygurskikh dokumentakh. – V: Issledovaniya po istorii kul'tury narodov Vostoka. Sb. v chest' akad. I. A. Orbeli. Moskva-Leningrad, 1960, 250–255.]

Тихонов, С. С. 1989 – С. С. Тихонов. О достоверности социальных реконструкций в археологии. – В: Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тезисы всесоюзной археологической конференции. Часть I. Кемерово, 1989, 34–36. [S. S. Tikhonov. O dostovernosti sotsial'nykh rekonstruktsiy v arkheologii. – V: Problemy arkheologii skifo-sibirskogo mira (sotsial'naya struktura i obshchestvennyye otnosheniya). Tezisy vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii. Chast' I. Kemerovo, 1989, 34–36.]

Тойнби, А. Дж. 1991 – А. Дж. Тойнби. Постигание истории: Пер. с англ. Москва, 1991. [A. Dzh. Toynbi. Postizheniye istorii: Per. s angl. Moskva, 1991.]

Толстов, С. П. 1938 – С. П. Толстов. Тирания Абрюя. – Исторические записки, 3, 1938, 3–53. [S. P. Tolstov. Tiraniya Abruya. – Istoricheskiye zapiski, 3, 1938, 3–53.]

Фёдоров-Давыдов, Г. Ф. 1973 – Г. Ф. Фёдоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. Москва, 1973. [G. F. Fyodorov-Davydov. Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy. Moskva, 1973.]

Хазанов, А. М. 1976 а – А. М. Хазанов. Роль рабства в процессах классового образования у кочевников евразийских степей. – В: Становление классов и государства. Москва, 1976, 249–279. [A. M. Khazanov. Rol' rabstva v protsessakh klassoobrazovaniya u kochevnikov yevraziyskikh stepey. – V: Stanovleniye klassov i gosudarstva. Moskva, 1976, 249–279.]

Хазанов, А. М. 1976 б – А. М. Хазанов. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. Москва, 1976. [A. M. Khazanov. Sotsial'naya istoriya skifov. Osnovnyye problemy razvitiya drevnikh kochevnikov yevraziyskikh stepey. Moskva, 1976.]

Шер, Я. А. 1966 – Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. Москва-Ленинград, 1966. [Ya. A. Sher. Kamennyye izvayaniya Semirech'ya. Moskva-Leningrad, 1966.]